

Сталинград — МОМЕНТ ИСТИНЫ

А. Ю. Борисов*

В истории великих войн всегда выделялось решающее сражение, победа или поражение в котором одной из воюющих сторон чаще всего определяли исход всей войны. Это был своего рода «момент истины», всё расставляющий «по своим местам». Во Второй мировой войне таким сражением стала Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в ходе войны в пользу государств антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании. Победа советского оружия, одержанная на берегах Волги над гитлеровским вермахтом, подвела черту под нацистскими планами установления «нового порядка» в Европе и открыла дорогу к избавлению человечества от угрозы фашизма. Сталинград стал символом мужества, самоотверженности и самопожертвования народов Советского Союза во имя победы над врагом, спасения Родины от иностранного порабощения.

Война моторов

Если окунуться в гнетущую атмосферу начала Великой Отечественной войны, отмеченную чередой поражений Красной Армии, её отступлением «по всему фронту», окружением и разгромом её элитных частей, сдачей врагу городов и сёл, потерей огромного промышленного потенциала, то победа гитлеровской Германии в европейской войне многим казалась вполне вероятной. Контрудар Красной Армии под Москвой зимой 1941 года спутал планы немецкого командования по осуществлению «молниеносной войны» против СССР по примеру одержанных

оглушительных побед на Западе и имел огромное морально-психологическое значение, развенчав миф о непобедимости вермахта, но не устранив смертельную угрозу, нависшую над Советским Союзом.

Война принимала «латентную форму», становилась войной стратегических потенциалов, состязанием экономических ресурсов, тотальной мобилизацией сил и средств, войной на истощение противника. К такой затяжной войне в силу объективных материальных причин гитлеровская Германия была не готова и поэтому продолжала придерживаться авантюристической тактики «мгновенных побед». Интересно мнение на этот счёт главного финансиста Третьего рейха Яльмара Шахта, хорошо знавшего экономические пружины войны и имевшего тесные связи в правящих кругах США и Великобритании. В декабре 1940 года на пике побед вермахта в Европе он писал министру экономики Функу: «Я рассказал Вам о том, что исповедую несколько лет. А именно: что с экономической точки зрения мы не готовы для продолжительной войны. А что война с Англией будет весьма долгой, очевидно для каждого, кто знаком с англосаксонским менталитетом».

Отметим, что сказано это было ещё до нападения рейха на Советский Союз, которое многократно, несмотря на победное начало, повысило риски для Германии. «Мы с друзьями были убеждены, — вспоминал оправданный Нюрнбергским трибуналом Шахт, — что нападение на Россию было чистейшим безумием. Если до сих пор мы надеялись, что можно

* Александр Юрьевич Борисов — профессор, д. и. н. МГИМО(У).

было предотвратить войну посредством каких-нибудь разумных мер, то включение России в ряды наших врагов обратило эту надежду в прах». В ноябре 1942 года в разгар боёв под Сталинградом он пишет Герингу, хорошо зная, что его мнение воспринимается как пораженческое у нацистских бонз: «Предварительно могу констатировать, что с самого начала моё отношение к тем, кто занимает ответственные посты, заключалось в том, что с экономической точки зрения мы не оснащены в достаточной степени для продолжительной войны». И далее в этом же письме: «Первоначальные расчёты на блицкриг не оправдались... Постоянные заявления, что вооруженное сопротивление России сломлено не подкреплено фактами»¹. Катастрофа под Сталинградом ещё только маячила впереди, но для нацистских главарей путь назад уже давно был отрезан.

Между тем разница между военными компаниями Германии на Восточном фронте 1941 года и 1942 года была существенной: если в начале войны удар наносился по трём главным направлениям с упором на захват Москвы, то после поражения вермахта на центральном фронте и возникшей стратегической паузы Гитлер, вопреки мнению некоторых своих советников, решил нанести основной удар на южном направлении, чтобы отрезать Красную Армию от кавказской нефти и тем самым лишить её боевой мобильности. Имелось в виду мощными ударами танковых армий отсечь советские войска от кавказских нефтепромыслов и Бакинского экономического района и выйти к Волге в районе Сталинграда и Астрахани с дальнейшим продвижением к иранской нефти и выходом на Ближний Восток. В войне на Восточном фронте всё очевиднее использовались экономические факторы.

Эта тема, дополняющая военно-стратегическую обстановку в период Сталинградского сражения, осталась мало исследованной в нашей литературе, хотя экономика в середине XX столетия куда в большей степени, чем это было в предыдущем веке, влияла на характер военного планирования верховного командования воюющих держав. В ряде фундаментальных работ как советского, так и постсоветского периода авторы не считают нужным уделить ей заслуженное внимание. Между тем Сталин, как известно, ещё в 30-е годы называл предстоящую войну «войной моторов» и придавал большое значение её материально-техниче-

скому обеспечению, созданию стратегических резервов.

Хорошо представлял себе уязвимые места Германии и Гитлер, особенно в том, что касалось стратегического сырья, прежде всего нефти. И тактика «блицкрига», успешно опробованная в Европе, возможно, не была столь уж авантюристической, как наши авторы всегда стремились доказать, а строилась с учётом имеющихся возможностей Германии. Эта тактика делала ставку на молниеносный разгром противника до введения им в борьбу основных резервов, так как собственные резервы были ограничены. Авантюризм заключался в неготовности Германии к затяжной длительной войне, которую Гитлер всячески старался избежать и чему окончательно помешала Сталинградская битва.

Ахиллесова пята любой современной армии — горючее. Без горючего не могут двигаться танки, не взлетят самолеты, генераторы не смогут вырабатывать электричество для радиопередатчиков или для размещенных на подводных лодках аккумуляторных батарей. Однако гитлеровский Третий рейх начал войну, не имея необходимых нефтяных резервов. В 1939 году две трети потребления нефти в Германии обеспечивалось за счет импорта. Заключенные в 1939 году советско-германские экономические соглашения предусматривали значительные поставки нефти, и именно это, в известной степени, помогло вермахту осуществлять свои блицкриги. В 1940 году три четверти советского экспорта нефти приходилось на Германию — всего около 617 000 тонн.

Естественно, после нападения Германии 22 июня 1941 года на Советский Союз рассчитывать на продолжение этих поставок не приходилось, хотя дефицит горючего в немецкой армии продолжал сохраняться. Цель Гитлера состояла в том, чтобы одержать победу над СССР до наступления осени, колонизировать Советский Союз и получить неограниченный доступ к его сырьевым запасам. Тогда можно было начать готовиться к последнему акту в борьбе за мировое господство — межконтинентальной войне с Соединёнными Штатами Америки. Однако в декабре 1941 года эти планы рухнули.

Из этой ситуации у вермахта было только два возможных выхода — увеличить собственное производство горючего или воспользоваться советскими нефтяными месторождениями. Поэтому с помощью огромных затрат продолжалось производство синтетического бензина,

который вырабатывался путем сжижения угля, имевшегося в достаточном количестве в Германии. В 1939 году в стране работали семь гидрорегенизационных заводов, а к 1941 году к ним добавились еще четыре. Несмотря на увеличение производственных мощностей, немецкая военная промышленность в краткосрочной и среднесрочной перспективе прежде всего нуждалась в дополнительных источниках обычной нефти помимо тех, которые уже имелись в союзной Румынии.

Перед подобной дилеммой находилось и высшее армейское руководство в ходе Первой мировой войны. Однако сражения в период с 1914 по 1918 год велись с незначительным использованием моторизованных частей, и поэтому военные действия не были столь зависимы от поставок горючего. Бывший в то время генерал-квартирмейстером Эрих Людендорф весной 1918 года направил сначала несколько тысяч солдат для захвата нефтяных месторождений в районе Тифлиса на Кавказе, а затем их количество было увеличено до 19 000. С одной стороны, они должны были препятствовать нападению британцев, которого в Берлине опасались, а, с другой стороны, взять под контроль необходимые для германской военной экономики нефтяные месторождения.

В ходе следующей войны германский Генеральный штаб, конечно же, рассматривал такого рода вариант, и поэтому в 1941 году глава Управления вооружений и военной промышленности Министерства вооружений генерал Георг Томас предостерег о надвигающемся «нефтяном дефиците». Сам Гитлер, объявив в своем известном выступлении 31 июля 1940 года о конкретных планах нападения на Советский Союз, был глух к подобного рода предупреждениям и особого внимания вопросу о сырьевых ресурсах не уделил. Победы над Польшей и Францией вскружили ему голову и заставили замолчать его критиков. Однако через год, 12 августа 1941 года, увязнув «по уши» в войне на востоке, он уже был убежден в том, что «уничтожение или захват жизненно важных сырьевых ресурсов имеет еще большее значение, чем разрушение индустриальных перерабатывающих центров России». Военно-морские силы и люфтваффе, настаивавшие в ноябре 1941 года на том, чтобы как можно быстрее захватить, по крайней мере, северо-западную часть крупных кавказских нефтяных месторождений.

Операция «Блау»

Поэтому есть своя логика в том, что к концу 1941 года взгляды Гитлера и Генерального штаба обратились на юг Советского Союза. Первые намеки относительно существования подобного рода военных планов фюрер сделал 3 января 1942 года в беседе с японским послом в Берлине Хироси Осима. В течение последовавших за этим нескольких месяцев военные штабы разработали конкретные планы действий и произвели перегруппировку находящихся на востоке войск после крупных потерь в ту суровую зиму. Результатом этой работы и стала операция «Блау» — большое наступление на юге Советского Союза в начале лета 1942 года, призванное вернуть ускользнувшую победу над Сталиным.

Весной 1942 года все помыслы Гитлера были направлены на то, чтобы «окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся у Советов, и лишить их как можно большего количества важнейших военно-промышленных центров». Так диктатор сформулировал свою позицию в директиве № 41, основу которой составлял так называемый план «Блау». Для этого на южном участке фронта были сконцентрированы значительные силы, которым предстояло захватить «нефтяные районы Кавказа, а также перевалы через Кавказский хребет».

Однако далеко не все военные эксперты поддерживали эти планы. Командующий армией резерва генерал-полковник Фридрих Фромм, которому было поручено руководство «атомным проектом» Германии, в это время уже обдумывал возможность заключения мирного договора с Советским Союзом. Генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер в узком кругу говорил об «утопических наступательных планах». Генерал Томас предупреждал о том, что «разрыв между потребностями войны и возможностями снабжения постоянно увеличивается» и советовал «согласовать военные операции летом 1942 года с имеющимися запасами горючего». Однако эти осторожные оценки не нашла тогда никакого отклика.

Наступательный порыв вермахта значительно иссяк после наступлений в 1941 году и зимних оборонительных боев. Более полумиллиона военнослужащих были убиты, в том числе 15 тысяч офицеров. А общие потери офицерского состава до нападения на Советский Союз составляли 1250 человек. К началу 1942 года вермахт потерял на Восточном фронте около 35 процентов боевого состава, которым он располагал в июне

1941 года. Потери боеспособности были еще больше — они составляли 50 процентов у группы армий «Юг» и даже 65 процентов у групп армий «Центр» и «Север». На замену подбитых 3319 танков было поставлено всего 732 единицы новой гусеничной техники. По оценке Генерального штаба, на 30 марта 1942 года только восемь из 162 дивизий на Восточном фронте «были готовы к выполнению любых задач», то есть были «полностью пригодными для использования». А за год до этого такую оценку получили 136 из 209 дивизий.

Однако все это было проигнорировано Гитлером при разработке плана летней компании. К этому добавились и другие грубые стратегические просчеты. Вопреки законам элементарного военно-стратегического планирования у этой операции была не одна, а две главные цели. Помимо завоевания кавказских нефтяных месторождений, предусматривалась также ликвидация советского оборонного потенциала на юге, и прежде всего в Сталинграде. Даже при оптимальном развитии этой операции в северной части немецкого продвижения вдоль реки Дон линия фронта увеличивалась больше чем в два раза.

Все это предоставляло противнику прекрасную возможность отрезать оторвавшиеся от снабжения немецкие части и затем окружить их. Следует иметь в виду, что передовые части вермахта должны были сначала пройти 500 километров (расстояние от Страсбурга на Рейне до Парижа) по бездорожью по территории неприятеля для того, чтобы оказаться у одной из целей — у Сталинграда. А расстояние до второй цели — до Баку — составляло уже 1200 километров. Это, скорее всего, невозможно было осуществить до обычного в этих местах наступления зимы в ноябре. С точки зрения рационального военного планирования это отдавало явной легковесностью и не укладывалось в классическую логику советского командования. В это трудно было поверить, как годом раньше было трудно поверить Сталину, что Гитлер отважится напасть на СССР. Экономические факторы, которыми руководствовался Гитлер, судя по всему, казались в Кремле слишком «не военными» и в полной мере в расчёт не принимались.

Именно поэтому Генеральный штаб Красной Армии в феврале 1942 года ожидал продолжения немецкого наступления вновь на центральном направлении. Правда, советское командование с подачи разведки заметило на-

рачивание снабжения группы армий «Юг», однако это рассматривалось как возможный отвлекающий маневр. Главное направление удара в Генштабе ожидали с южного участка немецкой группы армий «Центр» на Москву и скорее всего дальше на восток в направлении города Горький для того, чтобы на востоке замкнуть кольцо окружения Московского региона. При этом в Ставке и Генштабе допускали, что в южном направлении может быть предпринят ложный или отвлекающий маневр. Трудно было поверить, что опытные в стратегическом отношении офицеры немецкого Генерального штаба могут разработать такую опасную операцию, как план «Блау». Когда 28 июня 1942 года эта операция всё-таки началась, А. М. Василевский и Г. К. Жуков быстро почувствовали свой шанс и осознали возможность нанесения вермахту сокрушительного ответного удара. Но весной 1942 года до этого было ещё далеко.

Сталинградское сражение — это удивительное переплетение закономерностей и случайностей, сочетание просчётов, ошибок и озарений командования, состязание военных школ, проверка на практике уровня военной логики и качества штабного искусства воюющих армий. Судя по многим косвенным признакам, советское политическое руководство, и прежде всего сам Сталин, явно переоценивали стратегические последствия победы в битве под Москвой и торопили события. Невозможное казалось возможным. Чувство вины перед советским народом за «день позора» 22 июня 1941 года, свой личный политический проигрыш и стремление рассчитаться с ненавистным врагом и освободить страну от гитлеровского нашествия мешали трезвой оценке соотношения сил и имеющихся возможностей на том этапе. Эти настроения хорошо чувствовало ближайшее окружение вождя и всячески им подыгрывало. Только желанием форсировать события и развить успех зимней компании вопреки логике военного сопротивления на советско-германском фронте можно объяснить крупную военную катастрофу советских войск под Харьковом весной 1942 года, серьёзно осложнившую общее положение Красной Армии на юге в преддверии Сталинградской битвы и окрылившей Гитлера и его генералов. Многим казалось, что события вернулись в 1941 год.

Распутица ранней весной 1942 года и чрезмерно растянутые пути подвоза мешали развертыванию немецких войск, и их наступление на юге проходило с отставанием от графика. Кро-

ме того, зимой в ходе тяжелых оборонительных боев Красной Армии удалось совершить на юге несколько глубоких прорывов. Одним из таких прорывов считался «чумной бубон» в Изюме — так командующий группы армий «Юг» Федор фон Бок называл плацдарм, расположенный к западу от Донца. От этого места до Харькова было всего 60 километров. Этот четвертый по величине город Советского Союза был превращен в промежуточный центр для дальнейшего наступления на юг.

Поэтому перед началом операции «Блау» прорабатывались два варианта, которые были названы в честь прусского короля — «Фридрих I» и «Фридрих II». Гитлер и его свита находились в это время в удаленном от центра штабе «Волчье логово», расположенном недалеко от Рагстенбурга в Восточной Пруссии. И фюрер, и его ближайшее окружение исходили из того, что эта операция будет скоротечной и, учитывая, как считалось, отсутствие резервов у Советов, быстро приведет к успеху. Однако разведывательный отдел германского Генштаба предупреждал о наличии от 50 до 60 новых дивизий, с которыми, «по имеющимся данным, несомненно», придется иметь дело.

Немецким командирам на местах было известно об усилении советских войск. Поэтому Бок был обеспокоен тем, что операция «Фридрих», которой он должен был руководить, «несомненно, содержит в себе зачатки неудачи». Но здесь вмешались роковые события, которые, прояви они себя полностью, вполне могли изменить ход предстоящей битвы на Волге. 12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта под командованием близкого соратника Сталина по Гражданской войне маршала С. К. Тимошенко начали наступление на изюмском выступе под Харьковом, имея в своем распоряжении 640 тысяч солдат, 1200 танков и 900 самолетов. Через несколько дней наступающие войска находились всего в 20 километрах от бывшей столицы Украины. Бок смог остановить советские танки, бросив в бой все те резервы, которые были подготовлены для проведения операции «Фридрих». Как свидетельствовал находившийся в гуще событий с немецкой стороны В. Адам, адъютант Паулюса, «для нас создалось угрожающее положение... Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника».

Бок сообщил Гитлеру о том, что «здесь речь идет не о декоративном изъяне, а о жизни или

смерти», и тогда Гитлер приказал перенести операцию «Фридрих» на более ранний срок и начать реализацию этого плана на юге. Вопреки сомнениям фронтовых генералов, Гитлер добился успеха. Всего за несколько дней 17-я армия с юга и 6-я армия генерала Фридриха Паулюса с севера смогли окружить советскую группировку. Советским войскам было запрещено отступать. Всего Красная Армия потеряла 22 стрелковых дивизии, семь кавалерийских дивизий и 15 танковых бригад — в общей сложности 240 тысяч солдат. Это был весьма сильный удар по боеспособности Красной Армии в преддверии решающих событий, ответственность за который несло командование Юго-Западного фронта (С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущёв, И. Х. Баграман) и лично Сталин. Действительно, могло показаться, что время вернулось в 1941 год.

Частью стратегического плана наступления немцев на юге являлся окончательный захват Крыма. Хотя за год до этого вермахту удалось оккупировать большую его часть, тем не менее территория на востоке в районе Керчи, а также крепость Севастополь в юго-западной части полуострова не сдались врагу. Ещё 27 февраля перешел в наступление Крымский фронт. Как и раньше, основной целью было деблокирование Севастополя. Однако с самого начала наступление не заладилось — зарядили непрерывные дожди, и почва размокла настолько, что в ней застревают даже танки. Тем не менее на Керченском направлении советским войскам удалось добиться некоторого результата. Благо, румынские войска не выдержали удара и начали отходить. Основные же бои на полуострове развернулись уже весной 1942 года.

В рамках операции «Блау» было запланировано не только захватить индустриальные центры в нижнем течении Волги вместе со Сталинградом, но прежде всего завладеть объектами советской нефтяной промышленности в районе Каспийского моря. Поэтому наступательная операция должна была проводиться по обеим сторонам Азовского моря. В этой связи было необходимо сначала установить контроль над восточной частью Крыма для того, чтобы потом через Керчь и районы Кубани иметь возможность продвинуться на Кавказ, в том числе и с западного направления.

Поэтому в мае усиленная румынскими частями 11-я армия генерал-полковника Эриха Левински (он же фон Манштейн) — получила приказ занять Керчь, что и удалось осуществить

через несколько дней. 170 000 красноармейцев попали в плен, были захвачены также 258 танков и 1100 артиллерийских орудий. Вслед за этим наступил черёд Севастополя.

Этот порт считался самой укрепленной крепостью в мире. Его гарнизон насчитывал 130 000 человек и имел мощные артиллерийские позиции, а также самые современные фортификационные сооружения. Кроме того, советские войска имели большой опыт защиты города от нападения противника. В многотомном труде под названием «Германский рейх и Вторая мировая война», подготовленном Исследовательским центром военной истории бундесвера, ставится под сомнение целесообразность длительной осады Севастополя, так как героическое сопротивление его защитников спутало карты авторов операции «Блау» и заставило ОКХ перенести её сроки. Но Гитлер, видимо, не хотел оставлять у себя в тылу мощный очаг сопротивления.

Кроме того, некоторые немецкие историки склонны трактовать решения фюрера с позиций исторической мифологии, к которой тот испытывал большую слабость. Крым уже давно рассматривался как жизненное пространство для «чисто немецких» новых поселенцев (прежде всего из Южного Тироля). В соответствии с генеральным планом «Ост», Крым — в память о древних готах, предках германцев эпохи поздней античности, — предполагалось переименовать в Готенгау, а Севастополь — в Теодорихсхафен по имени одного из завоевателей Римской империи, вождя остготов, память которого увековечена мавзолеем в итальянской Равенне.

Вызывая изумление своих генералов, воспитанных в строгих традициях прусской военной школы Бисмарка и фон Мольтке-старшего, Гитлер всерьёз опирался на сомнительные исторические параллели. Севастополь имел для него сакральное значение, откуда первые священники-миссионеры из Византии принесли в Киевскую Русь христианство. Во время Крымской войны 1854–1855 годов город в течение долгого времени выдерживал осаду англичан, французов и турок и завоевал славу русского «города-героя». Однажды во время ужина Гитлер сказал Геббельсу о том, что он вполне отдаёт себе отчет относительно этой роли Севастополя. Для него завоевание черноморской крепости было попыткой помериться силами с великими державами XIX столетия, которым потребовалось два года для того, чтобы добиться успеха. Можно

ли после этого будет утверждать, что иррациональному нет места в политике?

Между тем реальная военная действительность была скорее кровавой, чем эпической. Хотя при осаде города использовалась самая мощная артиллерийская установка «Дора» — наследница крупновской «Большой Берты» калибра 800 миллиметров (дальность стрельбы — 54 километра; вес — 1350 тонн; расчет — 4000 человек; транспорт — 60 товарных составов), сражение продолжалось целый месяц — со 2-го июня по 2-е июля, и обе стороны понесли большие потери. 95 000 красноармейцев были захвачены в плен, из 200 000 жителей города в живых осталась, судя по сохранившимся документам, лишь шестая часть. Свою могилу под Севастополем нашли 25 000 немцев. «Сам город Севастополь с его великолепными рейдами представляет собой картину безотрадного разрушения. Его нужно будет заново отстраивать. Не осталось... ни одного дома, пригодного для жилья», — так описывает свои впечатления один из свидетелей.

В рейхсканцелярии праздновали победу, восхищались «военным гением» фюрера, раздавали награды, но германские генералы на фронте чувствовали, что имеют дело уже с другим противником. Как докладывал глава пропагандистского ведомства Геббельс, в сообщениях немецких солдат и офицеров, направлявшихся домой с фронта, уже почти не было речи о трусливых русских «недочеловеках», как это происходило после сражений с образованием «котлов» в 1941 году. Скорее, многие выдержки из писем свидетельствовали о том, что немецкие солдаты на фронте начинали с большим уважением относиться к своим противникам.

Геббельс напомнил о том, что «среди нашего народа есть еще 6 миллионов человек, которые когда-то голосовали за коммунистов». Поэтому направлявшиеся из Крыма сообщения «могли поколебать антибольшевистские настроения в немецком народе». Он немедленно дал команду установить в прессе «определенную шкалу понятий», в соответствии с которой стойкость большевиков представлялась как «организованная в целях оказания сопротивления примитивная животная сущность рабства», которую нужно отличать от «геройства немецкого солдата». Однако подобными словесными выкрутасами нельзя было уже изменить неодолимый ход событий, который вёл Германию к военной катастрофе. «Красное руководство рискует всем. Оно принимает крупные решения и бросает все силы на

их реализацию. При выполнении этих решений командование и войска добиваются значительно больших результатов, чем в прошлом году», — сообщал один из немецких офицеров.

В окопах Сталинграда

В итоге к середине 1942 года сложилось такое положение, которое Карл фон Клаузевиц называл «кульминационным пунктом наступления». Прусский военный теоретик имел в виду такую ситуацию, когда нападающая сторона уже больше не может надёжно удерживать захваченные территории. На практике же разрастался разрыв между реальным положением вещей и самонадеянностью германского командования. В середине 1942 года руководители Германии были настолько уверены в повторении быстрой победы, одержанной ранее на Западе, что, несмотря на поражение под Москвой, которое рассматривалась как «досадная случайность», программа производства новых танков «Пантера» и «Тигр» была существенным образом сокращена. Никто не думал, что в 1943 году предстоят еще какие-то крупные наступательные операции.

Между тем производство танков в Советском Союзе в количественном и качественном отношении уже превосходило возможности промышленности Германии. Нехватка транспортных средств в Красной Армии постепенно компенсировалась поставками американских грузовиков, тогда как вермахт перевозил необходимые ему материалы на гужевых повозках. В отличие от достаточно хорошо оснащенных войск, подготовленных для проведения операции «Блау», некоторые танковые дивизии на Восточном фронте имели в своем распоряжении порядка 20 изрядно изношенных танков, что лишало вермахт возможностей вести маневренную войну — основу его военной тактики.

Эти глубинные факторы реального соотношения сил в полной мере проявились в ходе Сталинградского сражения. Для человека с чувствительной психикой посещение Сталинграда, особенно мемориального комплекса на Мамаевом кургане, даёт возможность и спустя семьдесят лет ощутить сверхнапряжение боевых действий, колоссальную энергетику, исходящую от полей сражений, где в смертельной схватке сошлись между собой две мощные противоборствующие силы. В отечественной военно-исторической литературе подробно освещены все стороны Сталинградского сражения, включая его оборонительный и наступательный этапы,

тщательно исследованы важнейшие подробности военных действий — от принятия решений на высшем государственном уровне до героизма рядовых солдат и мирных жителей.

Почти половину всех соединений, действующих на советско-германском фронте, или 97 дивизий, гитлеровское командование сосредоточило на южном стратегическом направлении. В полосе от Курска до Таганрога к наступлению готовилось 900 тысяч солдат и офицеров, 1260 танков, более 17 тысяч орудий и миномётов, 1640 боевых самолётов. В конце июня вся эта армада, включая 2-ю и 6-ю полевые, 2-ю венгерскую и 4-ю танковую армии, перешла в наступление и быстро прорвала фронт левого крыла Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов на протяжении до 300 км и в глубину до 150–170 км, используя своё большое превосходство в танках и живой силе. Немцы форсировали Дон и развернули наступление на Сталинград, которому первоначально придавалось вспомогательное значение всего лишь как средству обеспечения северного фланга войск, наступавших на Кавказ.

С выходом немецких частей в большую излучину Дона и реальной угрозы захвата Сталинграда положение на южном крыле советско-германского фронта становилось критическим. С 17 июля берёт своё начало битва за Сталинград. 25 августа в городе было введено осадное положение. К 12 сентября гитлеровские войска вплотную приблизились к Сталинграду и на следующий день, нанеся удар в стык 62-й и 64-й армий, вышли к Волге. Начался штурм города на Волге, большей частью которого немцам удалось овладеть к концу сентября. Героическая оборона защитников Сталинграда, продолжавшаяся всю осень, серьёзно обескровила немцев и создала условия для контр наступления Красной Армии. Противник уже не располагал абсолютным военным превосходством и по основным показателям соотношения сил уступал советским войскам. За кровопролитной борьбой на фронте незримо раскручивалась спираль гонки вооружений, состязание тылов и военных производств двух стран, в котором советская промышленность одержала верх над германской.

Ещё в сентябре в самый разгар боёв под Сталинградом в Генштабе и в Ставке ВГК с участием военных советов фронтов и родов войск в обстановке строжайшей секретности началась подготовка плана контр наступления. К этому времени было завершено формиро-

вание стратегических резервов, состоящих из танковых и механизированных частей, имеющих на вооружении только что сошедшие с заводских конвейеров тяжёлые и средние танки, а также созданы запасы снабжения и боеприпасов. В ходе совещания в Ставке 13 сентября по предложению Г. К. Жукова и А. М. Василевского было принято решение, что намечаемый контрудар будет включать в себя две взаимосвязанные задачи: во-первых, по окружению и изоляции группировки немецких войск и, во-вторых, по её последующему уничтожению. Характерно, что Сталин после неудачи Харьковской операции больше прислушивался к мнению профессиональных военных и полагался на их рекомендации. Операция получила кодовое наименование «Уран» и под этим наименованием вошла в историю Великой Отечественной войны.

Авторы плана учитывали, что основная группировка немецких войск (6 армия Паулюса) была прикована к Сталинграду, а её фланги обеспечивали румынские и итальянские войска, отличавшиеся слабой оснащённостью и боеспособностью. Несмотря на все просьбы Антонеску и Муссолини поставить в их войска новую технику, Гитлер в приоритетном порядке снабжал прежде всего немецкую армию и оставлял эти просьбы без ответа. Командование вермахта не ожидало контрнаступления советских войск и оказалось к нему совершенно неподготовленным.

Плохую службу сослужила немецкая военная разведка, которая 6 ноября пришла к ошибочному выводу, что главным направлением удара советских войск на Восточном фронте по-прежнему оставалась полоса группы армий «Центр» и что русские в силу ограниченных ресурсов не сумеют развернуть наступление сразу по двум направлениям — в центре и на юге. В дневнике немецкого верховного командования зафиксировано: «Начальник Генерального штаба Сухопутных войск доложил, что, по агентурным данным, 4 ноября в Москве состоялось заседание военного совета под председательством Сталина, на котором присутствовали все ведущие военачальники. Там было решено ещё в текущем году начать большое наступление или на Донском фронте, или в центре»². О безмятежных настроениях, царивших в нацистской верхушке, и уверенности в своей победе говорит и тот факт, что Гитлер в это время находился на отдыхе в Баварских Альпах.

Гром грянул для немцев, когда 19 ноября началось контрнаступление советских войск под Сталинградом. А уже на пятые сутки после его начала, 23 ноября, подвижные части Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг 6-й и части подразделений 4-й танковой армий в районе Советской, Калача. В «котле» оказались 22 вражеские дивизии общей численностью, по разным данным в нашей литературе, от 250 до 330 тысяч человек. Также в результате боёв были разгромлены большие силы румынских войск, из которых 27 тысяч были взяты в плен. Однако «с ходу», как планировалось, окружённую вражескую группировку советским войскам разгромить не удалось. Потребовалась длительная, тщательно спланированная осада.

Между тем Гитлер всё ещё не понимал размеров постигшей вермахт катастрофы и, вопреки мнению ряда своих генералов, требовал от 6-й армии во что бы то ни стало держаться и не отдавать Сталинград. Момент, когда армию ещё можно было спасти и вывести из под удара, был в силу непоправимости самонадеянности упущен. В это время 6-я армия — цвет и гордость вермахта, прошедшая огнём и мечом победным маршем по Западной Европе, ещё могла попытаться пробиться из окружения, пока кольцо советских войск ещё недостаточно уплотнилось. Вместо этого командование противника отдаёт приказ по подготовке и проведению операции «Зимняя гроза» — по деблокированию окружённых войск и создания в этих целях мощного ударного кулака — армейской группы «Гот». Во главе её поставлен покоритель Крыма — фельдмаршал фон Манштейн. Эти замыслы противника были разгаданы советским командованием. Чтобы не дать «зверю вырваться из клетки», было решено создать два кольца окружения вокруг попавших в капкан немецких войск — внутренний и внешний — и стремительно нарастить их силы. Начинаясь второй акт исторической драмы под названием Сталинградская битва, исход которой к этому времени был ещё далеко не очевиден.

Конец 6-й армии

Утром 12 декабря армейские части группы «Гот» перешли в наступление из района Котельникова и стремительным ударом, имея большое превосходство в танках и авиации, смяли боевые порядки 51-й армии Сталинградского фронта, развивая наступление вдоль железной дороги

Тихорецк — Сталинград. Выход армейской группы «Гот» к рубежу р. Аксай и её последующее форсирование создавали реальную угрозу немецкого прорыва внешнего кольца окружения и деблокирования войск Паулюса. До окруженной группировки оставалось всего каких-нибудь 35–40 км, когда советское командование стянуло к месту прорыва превосходящие силы 2-й гвардейской армии, которая вместе с 51-й ликвидировали прорыв и 29 декабря заняли Котельниково. Статус-кво был восстановлен. Армейская группа «Гот» перестала существовать. Теперь судьба 6-й армии была предрешена. Все попытки немецкого командования обеспечить снабжение окруженных войск по воздуху лишь продлили их агонию и привели к огромным потерям немецкой транспортной авиации и авиации сопровождения.

Справка: За время операции по доставке предметов снабжения окруженной под Сталинградом 6-й армии немецкие ВВС потеряли 488 транспортных самолётов, что составляло две трети численности самолётов всей германской транспортной авиации³.

Весомым дополнением к успешно осуществленной операции примерно в это же время стала операция советских войск «Малый Сатурн», нацеленная своим острием в районе Среднего Дона северо-западнее Сталинграда против немецкой войсковой группы «Холлидт», 8-й итальянской армии и остатков 3-й румынской армии, в общей сложности 27 дивизий, включая 4 танковые. Своё новое название операция получила после того, когда пришлось сократить масштабы первоначального замысла операции «Сатурн» в силу ограниченности имеющихся сил и средств и неожиданной способности немцев организовать сильное сопротивление.

К католическому рождеству фронт противника на Дону и Чире был взломан на расстоянии более 300 км и прорван в глубину на 150–200 км. Как отмечал генерал вермахта, а после войны известный западно-германский историк К. Типпельскирх, «началось беспорядочное отступление» группы армий «Дон», которая оказалась сама под угрозой окружения. Лишь предпринятый Манштейном манёвр за счёт привлечения войск, предназначенных для деблокирующего удара на Сталинград спасло армейскую группу «Дон» от полного окружения и задержало продвижение войск Юго-Западного фронта к Ростову-на-Дону. Только пленными немцы и их союзники румыны и итальянцы потеряли 60 ты-

сяч человек. В результате успешных операций советских войск внешний фронт отодвинулся от окруженной в Сталинграде немецкой группировки на 200–250 км. Все попытки немецкого командования во исполнение приказа фюрера «любой ценой» восстановить фронт на Волге привели к огромным потерям, но оказались безрезультатными.

А в Сталинградской битве с нового 1943 года наступал завершающий этап, вошедший в историю как операция «Кольцо». Сама по себе агония, оказавшихся в этом смертельном кольце солдат и офицеров армии Паулюса, беспрекословно с прусской педантичностью до последнего момента выполнявшего все приказы потерявшего представление о реальности Гитлера, заслуживает не пера историка, а кисти баталиста. От победоносной самонадеянности к полному одичанию и гибели — такой путь проделали остатки 6-й армии, завершив его в развалинах Сталинграда. После провала наступления Манштейна все иллюзии выйти из окружения рассеялись. В то же время в котле оставалось ещё не менее 200 тысяч человек, боевой дух которых, несмотря на неуклонно тающее снабжение, болезни и морозы, оставался весьма высок. Немцы ещё не привыкли сдаваться в больших количествах.

Запись из журнала боевых действий штаба оперативного руководства вермахта за 10 января 1943 года: «Сегодняшний пищевой рацион солдат 6-й армии состоит из 75 граммов хлеба, 200 граммов конины, включая кости, 12 граммов жира, 11 граммов сахара и 1 сигареты. До 20 января будут забиты все лошади»⁴.

Советское командование трезво оценивало сложность стоящей перед ним задачи по ликвидации окруженной вражеской группировки, когда, стараясь предотвратить предстоящую бойню, предложило войскам Паулюса капитулировать, гарантируя всем сложившим оружие жизнь и безопасность, а после окончания войны возможность возвращения в Германию или в другую страну по их выбору. Ответом было твёрдое «нет». Приказы в германской армии не обсуждались. Гитлер и мысли не допускал о возможной капитуляции русским. В кругу приближенных он говорил: «Ту землю, по которой раз прошёл немецкий солдат, я никогда больше не отдам!»

Тогда 10 января 1943 года заговорили тысячи орудий и войска Донского фронта приступили к окончательной ликвидации окруженной группировки. По позициям немцев прокатился

огненный вал, который сметал всё живое. Войска 7 советских армий на весьма узком участке фронта расчленили и по частям ликвидировали ещё вполне боеспособную группировку противника. Надо отдать должное немцам, воевать они умели и, несмотря на безвыходное положение, держались стойко и до определённого момента сдаваться не собирались и верили в чудо. Но чуда не случилось.

Из докладов командующего 6-й армией Паулюса в ставку Гитлера следует, что ситуация ухудшалась с каждым днём пока не стала абсолютно критической. 24 января Паулюс доносил в ставку: «Ввиду вклинивания противника на многих участках фронт разорван... Дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа неизбежна. Для спасения ещё оставшихся в живых людей прошу дать немедленно разрешение на капитуляцию». Гитлер оставался глух ко всем просьбам о спасении. «Запрещаю капитуляцию! — последовал его ответ. — Армия должна удерживать свои позиции до последнего человека и до последнего патрона». На эту радиограмму фюрера верный присяге генерал-полковник Паулюс ответил: «Ваш приказ будет выполнен. Да здравствует Германия!»

Неизбежное свершилось. 31 января враг был сломлен и сложил оружие. В подвале здания универмага был пленен и Паулюс, которого Гитлер накануне произвёл в фельдмаршалы, а потом, узнав о капитуляции, попытался остановить принятое решение, да было уже поздно — сообщение к этому моменту было опубликовано в прессе. На предложение советского командования о даче распоряжения о прекращении остатков бесцельного сопротивления в северной части «котла» Паулюс ответил отказом. По некоторым данным, если бы 6-я армия капитулировала до начала советской операции по её пленению, то можно было бы спасти до 100 тысяч человек. 2 февраля 1943 года окруженная в заводском районе Сталинграда северная группа войск во главе с генералом Штреккером также капитулировала. Военно-историческая драма под названием Сталинградская битва закончилась блестящей победой советского оружия.

За время ликвидации окруженной группировки с 10 января по 2 февраля 1943 года войсками Донского фронта под командованием генерала К. К. Рокоссовского были разгромлены 22 дивизии противника. Противник потерял свыше 147 тысяч солдат и офицеров. 91 тысяча, в том числе 2500 офицеров и 24 генерала, были

взяты в плен. Впереди их ожидал бесславный марш по улицам Москвы. Героизм Красной Армии поставил самую крупную точку в многооточии Великой Отечественной войны.

Когда известие о капитуляции 6-й армии и её командующего пришло в Берлин, в рейхсканцелярии воцарился глубокий траур. По злой иронии судьбы оно совпало с празднованием 10-й годовщины прихода нацистов к власти (30 января 1933 года) и вызвало у склонного к мистике Гитлера приступ глубокой депрессии. Вот как описано это в книге «Неизвестный Гитлер», созданной на основе протоколов допросов НКВД его ближайших личных адъютантов — Линге и Гюнше. «Около 6 часов утра [2 февраля] фельдфебель Дэнике, писарь Йодля, передал Линге для Гитлера две открытые радиogramмы из Сталинграда. Содержание первой радиogramмы: „Противник стоит непосредственно перед нашими позициями. Мы выходим из боя“. Вторая радиogramма: „Русские врываются. Мы всё разрушаем“.

Ланге положил обе радиogramмы, последние признаки жизни армии Паулюса, перед дверью Гитлера и доложил ему об этом. Через четверть часа в коридор блиндажа вышел Гитлер в шинели с поднятым воротником, бледный, сторбленный, с потухшими глазами».

Далее следует ещё более красочное описание. «Разгром немецкой армии под Сталинградом страшно отразился на Гитлере. Он уже совершенно не мог обходиться без возбуждающих уколов своего лейб-медика Мореля. Уколы делались ему каждый второй день после завтрака. На нервной почве у него появились спазмы желудка. Из-за сильных болей он по несколько дней оставался в постели. Линге, который давал Гитлеру прописанный опиум, видел перед собой стонущего скорчившегося человека. У Гитлера усилились припадки нервного раздражения... Гитлер грыз ногти и до крови расчёсывал себе уши и затылок»⁵.

История не сохранила в таких подробностях реакцию Сталина на победу под Сталинградом. Впрочем, о его радости и ликовании вполне можно судить по имеющимся отрывочным сведениям из мемуарной литературы, а самое главное — по тому потоку наградений, который не обошёл стороной ни генералов, ни простых солдат. Страна узнавала имена своих героев — победителей великой битвы на Волге.

Всего в ходе Сталинградской операции были разгромлены пять армий Германии и их союзни-

ков общей численностью 1,5 млн чел. От этого удара Германия уже не могла оправиться всю оставшуюся часть войны, несмотря на объявленную «тотальную» мобилизацию. Стратегическая инициатива полностью перешла к Красной Армии. А всего в результате зимней кампании 1942–1943 годов, включающей в себя также битву за Кавказ, были разгромлены 113 вражеских дивизий и освобождена огромная территория почти в полмиллиона кв. км. Было положено начало коренному перелому во Второй мировой войне.

Победа советского оружия под Сталинградом оказала мощное воздействие на всю международную обстановку. Начался затяжной кризис фашистского блока. Моральный дух его участников резко пошёл на спад. Союзники гитлеровской Германии начали терять уверенность в конечной победе. Колеблющиеся стали ещё осторожнее, чтобы не проиграть в схватке гигантов. Нейтральные задумывались над тем, как не осложнить отношения с вероятными победителями. Начались сильные брожения в итальянской верхушке, которые скоро приведут к отставке Муссолини и выходу Италии из

войны. Заметно осторожнее стала Япония в отношении СССР. Её пугала перспектива оказаться в войне сразу с двумя крупнейшими мировыми державами — США и СССР.

Осмотрительнее в отношении Германии стала Швеция, снабжавшая её долгое время под прикрытием своего нейтралитета стратегическим сырьём и допуская при определённых условиях своё участие в войне на её стороне. Произошёл перелом в позиции Турции, которая уже была готова напасть на СССР с южного направления в случае победы Германии под Сталинградом и в этих целях сосредоточила на советско-турецкой границе 27 дивизий. Турки начали активно зондировать англичан на предмет сближения, не порывая «на всякий случай» связей с Германией. Силы сопротивления всей оккупированной Европы получили мощный стимул активизировать борьбу против нацистской тирании и местных коллаборационистов. Словом, после Сталинградской битвы мир стал уже качественно другим, и наиболее дальновидные политики понимали, что фортуна раз и навсегда отвернулась от держав «оси».

¹ Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948. М., 2011. С. 396, 401, 404–405.

² Грайнер Х. Военные кампании вермахта. Победы и поражения, 1939–1943. М., 2011. С. 357.

³ Неизвестный Гитлер. Тайное досье НКВД, составленное на основе протоколов допросов личного адъютанта Гитлера Отто Гюнше и камердинера Гитлера Гейнца Линге в Москве 1948–1949 гг. М., 2005. С. 141.

⁴ Грайнер Х. Военные кампании вермахта... С. 374.

⁵ Неизвестный Гитлер... С. 145, 147.